

ВАЛЕНТИНА АМИРГУЛОВА

ПРОВИДЕЦ И ПРОРОК

(главы из повести)

Они родились в конце девятнадцатого века, в один год и в один месяц: два человека, которых в народе называли пророками, – Вольф и Афанасий.

Множество пророков было у разных народов, и всего лишь несколько настоящих...

Имеющий очи видел великую линию в жизни Вольфа и Афанасия. Но повело их в разные стороны. И один из них стал истинным пророком, а другой – ложным.

Вольф Мессинг

Когда Вольфу исполнилось шесть лет, в местечке, где он проживал в Польше, родители отдали его учиться в хедер¹. Главным занятием там было изучение талмуда.

Вольфу запомнился разговор с раввином:

– Дорогой мой мальчик, я не видел еще человека, который бы так быстро, как ты, запомнил молитвы. У тебя отличная память, Вольф. Ты единственный, кто достиг успехов в зубрёжке талмуда.

¹ Хедер – религиозная школа, где мальчикам вдалбливали в головы тяжеловесные основы иудаики не менее тяжеловесные, неповоротливые – и в жизни, и в мыслях – раввины-наставники (ред.).

Раввин вперил свой взор в Вольфа. Его темные глаза вдруг остекленели, и он заговорил каким-то утробным голосом:

– Вольф, ты знаешь, мы – избранный народ. И, может быть, ты избран среди нас.

Раввин погладил мальчика по голове, и рука его вздрогнула, словно он прикоснулся к огненному камню¹.

– Вольф, ты станешь нашим духовным служителем, поедешь в иешибот².

В глазах Вольфа вспыхнули искры.

– Я не надену черное платье, – испуганно вскрикнул он.

– Ты не хочешь стать вождем своего униженного и обиженного народа. Ты столько раз обращался к нашему Богу с молитвой. А теперь не веришь в великую миссию, которую Он тебе поручил.

– Я хочу поверить, но не верю. Мы народ маленький, мы не избранный народ.

– Наш Бог покажет тебе чудо, и ты поверишь в свою миссию.

Вольф отбежал от раввина и крикнул:

¹ Вероятно, имеются в виду скрижали завета (Ред.).

² Иешибот – в иудаизме учебное заведение, аналогичное духовной семинарии (Ред.).

– Нет никаких чудес, нет никакого Бога.

Мальчик помчался к двери класса, чуть не сбив заходящего отца. Вольф стремительно побежал по лестнице. А отец молча остановился у двери. Раввин заговорил с ним тихо, но внушительно:

– Я знаю, ваш сын послан возвеличить наш народ. Но сейчас его нужно направить, сделать ему встряску. Показать чудо. Мы сотворим ему чудо. И сейчас обговорим, как это сделать.

... Вольф сидел на скамейке возле своего дома и смотрел на закат. Он величественно угасал. Как это было красиво!

Вольф хотел пойти вдоль улицы в сторону заката, но вдруг услышал донесшийся из окна крик отца:

– Вольф, иди в лавку, купи пачку папирос.

– Завтра куплю.

– Нет, сегодня.

Вольф встал, посмотрел на догорающее зарево заката, вдруг сердце его томительно сжалось. Он понял: сегодня у него что-то случится. Так уже бывало не раз. Сердце предвещало ему о необычном событии. Он знал уже точно, что домой вернётся в сумерках. В сумерках ему всегда хорошо дышалось.

Вольф медленно побрёл в лавку. Ноги его не хотели идти, и он несколько раз останавливался. Сегодня дорога к лавке казалась ему особенно длинной.

Домой он тоже возвращался медленно в сумерках. Около родного крыльца мальчик остановился... Как было тихо и пусто здесь! Вдруг на ступеньках лестницы выросла гигантская фигура в белом одеянии. Огромная борода белым облаком лежала на ее груди, а на широком скуластом лице горели жгуче-черные глаза.

– Кто ты? – испуганно прошептал Вольф.

– Небесный вестник.

Незнакомец вскинул длани в широких рукавах вверх и произнес жутким рокочущим басом:

– Сын мой, я свыше послан к тебе предречь твое будущее служение Богу. Иди в иешибот, будет угодно Богу твоя молитва.

– Ай! – вскрикнул Вольф и упал замертво на землю. А когда он очнулся, над ним стоял отец.

Вольф приподнялся, начал говорить заикаясь:

– Я... я... видел небесного вестника. Он хочет, чтобы я стал раввином.

– Небесного вестника нужно слушаться, – спокойно сказал отец.

В иешиботе Вольф проводил долгие часы. Он молил своего Бога, чтобы Он дал ему силу служить своему народу, самую большую силу, великую. Только она способна перевернуть весь мир. Даже строчки Талмуда говорят о величии великости.

Иногда Вольф ощущал, что эта сила входит в его сердце. В такие минуты его охватывал экстаз отрешения от всего мира. Он не видел рядом людей, а только их смутные облики, стёртые, ненужные рядом с ним. И вдруг Вольф увидел ту фигуру, которая навсегда врезалась в его память жутким трепетом и безумным зовом. Вольф бросился к этой фигуре, выделявшейся среди толпы странников гигантским ростом, атлетическим сложением. Вольф закричал:

– Небесный посланник. Я узнал тебя, а ты меня.

Странник неловким движением распушил свою бороду и пророкотал своим жгучим басом:

– А, это ты, мальчик, вот видишь, Бог привёл тебя в иешибот.

– Сюда привел меня ты, которого послал Бог.

– Да, я направил тебя на путь служения.

Вольф вцепился в дорожную хламиду странника:

– Я не отстану от тебя, пока ты не расскажешь, кто тебя научил обмануть меня.

– Твой отец и наставник раввин. Они пожелали, чтобы ты послужил своему народу. Мы должны быть ловкими и умелыми, самыми ловкими. Конечно, обманывать приличествует не иудея. Если б я тебя не обманул, ты бы не пришёл в иешибот. Когда-нибудь ты будешь за это благодарен нам... Я и сейчас вижу в тебе новую силу, чувствую ее. Ты стал здесь другим.

Вольф весь затрясся, то ли сдерживая слезы, то ли негодование. Его начало сильно колотить, и он испугался этого. Дрожащий сильный стон вырвался из его побелевших уст:

– Я... я ... стал другим, потому что начал верить, а вы меня обманули.

Вольф стукнул кулаком по величественной фигуре и бросился вон из молитвенного дома с криком:

– Лжецы! Заманили! В иешибот больше ни шагу.

На улице Вольф остановился. Он не знал, куда бежать. К отцу? Ни за что. Юноша понял, что не простит ему эту ложь.

Вольф вдруг увидел закат на небе, по-прежнему величественный, торжественный. На отрока будто лились световые звуки. В каждом из них было слово. Правды или лжи. Вольф упал на землю и зарыдал. Сейчас он ненавидел людей за то, что они низкие, мелкие. Он не хотел быть одним из них, кто ищет силу в сговоре с другими.

...Вольф не помнил, как он очутился на ближайшей станции железной дороги. Он сел в полупустой вагон первого подошедшего поезда с надписью – “Берлин”. Вольф залез под скамейку.

У него не было билета, а в кармане лежало всего 9 копеек.

Усатый кондуктор, зашедший в вагон, сразу же заметил его под скамейкой.

– Мальчик, ты едешь в Берлин?

– Да, – Вольф почувствовал, как зазвенели в нем натянутые нервы. Сейчас его высадят и могут отправить в иешибот. Нет, он не может больше оставаться там ни одного дня. Он оказался там жертвой великого обмана. Он не смог отличить ложь от правды. А разве десятки тысяч людей на земле могут ее отличить? Если бы могли, они бы не спорили, не ссорились, не обманывали друг друга.

Кондуктор выжидающе глядел на мальчика, у него было строгое и даже злое лицо. Он привык слышать обманные слова, он никому не верил. Он верил только бумажке, ну, той, ненужной бумажке.

Вольф увидел грязную, валяющуюся на полу бумажку. Он взял ее, протянул вместо билета... Их взгляды встретились, кондуктора и пассажира, охотника и зайца, маленького, обмороченного миром человечка и его верного пустого служителя... Нет, Вольф не станет игрушкой в руках этого лживого мира. Он будет сильнее, чем его тысяча служителей.

Кондуктор взял бумажку, повертел в руках, сунул ее в тяжелые челюсти компостера.

Хрясь, – раздался металлический звук, словно перегрызший живую плоть. Кондуктор протянул билет маленькому пассажиру, и на лице его, только что строгом и неприступном, отразилось полное недоумение:

– Зачем же вы с билетом едете под лавкой? Есть же места... Через два часа будем в Варшаве.

Но Вольф еще дальше забился под лавку в темноту. Сейчас он впервые почувствовал свою настоящую силу. Она была ошеломляющая и неистовая, неуправляемая и всемогущая. Что о ней могли знать отец, раввин, весь иешибот, атлетический странник, так умело сыгравший роль небесного вестника? Они хотели укрепить свою власть на земле. Завтра вся эта власть может рассыпаться в одно мгновение, под действием других чар, с которыми соприкоснулся он, Вольф, простой мальчишка-беглец, местечковый еврей, возмущенный до глубины души необходимостью существования в мире лжи. Паутина лжи, ухищрений разбросана по всей земле. Но только он не будет ею уловлен, как оказался пойманным уже однажды. Он – не маленький еврей, он – большой еврей и может стать самым большим даже во всем мире. Разве не это, перебивая лязг рессор, стук колес по рельсам, нашёптывает ему не

рокошующий бас, а еле слышный шипящий голос? Звук истинного небесного посланника:

– Ты станешь всемогущим евреем. И мы поможем тебе в этом, мы – самые всемогущие силы на земле. Имя нам – легион.

...А в это время за сотни километров от Вольфа его ровесник Афанасий тоже стоял перед выбором судьбы. Он хотел служить Богу. Он знал, что для этого надо оставить мир. Но родители Афанасия были против того, чтобы он ушел в монастырь.

– Ты – единственный наш сын. Ты не можешь покинуть сейчас нас. У тебя есть талант, ты должен играть на скрипке.

Афанасий уходил в свою комнату и там играл. А когда прекращал игру, матушка говорила:

– Сынок молится.

Афанасий стоял на коленях перед иконами, перед которыми была зажжена лампадка.

– Боже правый, помоги мне убедить родителей, что путь мой не в миру. Я хочу служить только Богу, и Ему одному.

Однажды ночью во сне Афанасию было видение юноши в сияющих одеждах с золотыми трепещущими волосами и огневидным лицом. Неизреченная радость вспыхнула в сердце Афанасия.

– Кто ты?

– Я – твой ангел. Ты просил ответа у Бога, и я послан дать его тебе. Божья воля в том, чтобы ты служил Богу и людям в мире.

– Но я мечтаю об ангельском образе.

– Скоро для людей в твоей стране это будет только лишь одна мечта. Грядут жуткие времена, когда брат станет убивать брата. Когда сама земля будет словно расколота на две половины.. А ты пойдешь в срединную Русь.

– Как же я брошу своих родителей?

– О них позаботится Господь. А ты молись и готовь себя к новому делу. Я всегда буду с тобой.

Проснувшись, Афанасий ощутил живительную силу, подаренную ему небесным посланником. За что ему такая милость, слабому, грешному, может быть, самому ничтожному на этой земле? Афанасий был так благодарен ангельской помощи.

* * *

В Берлине Вольф устроился посыльным в доме приезжих на Драгунштрассе. Он носил вещи, пакеты, чистил обувь немцам, но зарабатывал так мало, что голодал. Он чувствовал, что жизнь еле держится в нем. Разве плохо ему было в иешиботе? Там он был сыт, обласкан. Там постоянно ему говорили:

– Ты лучший, ты сильный, ты будешь вождь великого народа.

А кто он был здесь, на Драгунштрассе? Забитый, ничтожный еврейшка на посылках среди этого лающего, гавкающего мира, как воспринимал Германию Вольф, мира с претензиями на мировое величие. Эти самовлюбленные, надменные немцы, глядящие на него как на грязную собачонку, путающуюся под ногами, но нужную им, не знали главного. Они мнили себя великим народом и не ведали, что будут раздавлены своим чванством. Откуда знал об этом Вольф? Ему нашёптывал это тихий голос. Однажды, когда Вольф шёл по самой главной берлинской улице, перед его мысленным взором она предстала в развалинах. Будет это на самом деле. Тихий голос подтвердил. Вольф уже привык к его опеке. Голос шептал, чтобы он не возвращался в иешибот.

– Но ведь я просто околею с голоду.

И голос резко, металлически вдруг захохотал.

Вольф упал в голодном обмороке на берлинскую мостовую. Его привезли в больницу. Пульса и дыхания у него не было, тело уже было холодным. Вольфа перенесли в морг. Студент, который держал его за плечи, укладывая на стеллаж морозильника, вдруг вскрикнул:

– Сердце! У мальчика бьется сердце.

– Что ты, дружище, очумел? – хмыкнул напарник, держа подростка за ноги.

– Послушай.

Оба студента склонились над трупом, и теперь уже крикнул другой студент:

– Сердце стучит! Мальчик живой.

В сознание Вольфа привёл на третьи сутки профессор Абель, который всем говорил, что он самый талантливый психиатр и невропатолог в Германии.

Когда Вольф открыл глаза, он увидел высокую фигуру в белом, он пытался взглянуть в лицо незнакомца, увидел золотые очки, темно-русые волосы, тонкие подвижные губы.

– Кто вы?

– Профессор. А ты кто, мальчик?

Пациент затруднялся ответить, и профессор попытался ему помочь.

– Ты находился в летаргии, вызванной малокровием, истощениями, нервным потрясением.

Мальчик молчал, но профессор видел, что за его молчанием таится столь многое, о чём он когда-нибудь сможет рассказать. Его истощённое лицо было прозрачным до синевы, но глаза были не по-детски пронизательными. Мальчика можно было заставить служить науке.

– Нет, я больше никому не буду служить.

– Ты прочёл мои мысли? – удивленно спросил Абель. – Да, что-нибудь подобное я ждал от тебя. Ты – медиум. Я смогу открыть тебе путь к всемогуществу.

Мальчик вдруг впервые усмехнулся и сразу же нахмурился. Ему вспомнилось: когда он был без сознания, ему было видение тёмных фигур. Сверху на них упал огонь, и Вольфа опалил огненный смрад. Вокруг него стало бушевать пламя. Но тёмные фигуры не исчезали, а будто ждали чьего-то повеления, чтобы низринуть Вольфа в огонь. Кто должен был дать такое повеление? Разве сможет ответить на этот вопрос профессор Абель?

– Ты можешь стать повелителем людей! – воскликнул Абель. – Я тебя научу этому. К науке приступим через неделю. А пока ты будешь есть как можно чаще и как можно больше. Тебе нужно лежать и лежать, а потом гулять на свежем воздухе. Как долго я ждал такого пациента-партнёра.

...Абель начал работать с Вольфом у себя на вилле. Обычно строгий, сдержанный профессор старался говорить с мальчиком дружески и ласково:

– Послушай, мой юный друг, пациентом, партнёром я назвать тебя не могу, пожалуй, и другом тоже. Ты самый поразительный феномен, с которым мне посчастливилось общаться. Ты – удивительный медиум. Ты можешь приказывать себе всё, что только захочешь. Всё и исполнишь. Но ты пока что не веришь в свои способности. Моя задача – разбудить твою уверенность. Ты должен понять: ты самый великий.

Мальчик молчал, задумчиво глядя на тёмную стену леса, видневшуюся из-за забора виллы. И опять в его душе мелькнуло то огненное видение, которое никак не исчезало из памяти.

– Он не верит в свою силу, – сокрушённо говорил Абель подошедшему своему другу Шмидту. Тот, загорелый, в белых брюках, несколько вальяжный (в нём трудно было признать профессора-психиатра) смачно ел яблоко. Отбросив огрызок, он сказал:

– Друг и коллега Абель, твоё внушение идёт в слишком строгой и категоричной форме. С Вольфом надо работать иначе.

– Ну, конечно, – воскликнул Абель, – я взял профессорский тон, а мальчик вырос в простой, униженной атмосфере.

Вольфу не было неприятно, что профессор так откровенно говорит о нём в его присутствии. И вдруг Вольф почувствовал в своей власти это учёное светило, которое ещё не осознало своей прислужнической миссии. И всё-таки Вольф не мог не чувствовать к нему благодарности. После стольких страданий, когда он от голода ощутил себя на грани гибели, его спасение было чудесным.

А за сотни километров от этой виллы мальчик Афанасий тоже думал о своём спасении в ограде монастыря. Он был в келии старца Антония, который сидел на табуретке напротив огромной иконы Спасителя в терновом венце.

– Подойди сюда, Афанасий.

Мальчик подошёл к старцу так близко, что увидел ажурное плетение морщинок на его светлом лице. У него возникли мысли о святости старца.

– Афанасий, слушая себя, не слушай всех своих помыслов. Они, всеваемые в душу, могут быть обманчивы и недобры. Они могут обмануть тебя, – голос старца звучал тихо и спокойно.

– Я не знаю, как различать помыслы. Они все мне кажутся добрыми.

– Добрые помыслы – это те самые, которые будут в твоей душе рождать любовь к людям. И не важно, друзья они тебе будут или враги.

Афанасий недоумевал: ведь он не знает, кто такие враги. Он всех людей считал братьями, но в то же время чувствовал уже свою отстранённость от мира. Он хотел быть только с Богом.

– Ты полюбишь людей, когда они принесут тебе очень много зла, – опять тихо произнёс старец. И когда Афанасий поднял свои светлые с абрикосовым отливом глаза, старец чуть приметно улыбнулся и произнес уже внушительно:

– Не бывает любви к Богу без любви к ближнему. Не бывает великих дарований без великих искушений.

Мальчик ничего не отвечал. Он всей душой чувствовал Божественную правоту слов Антония. Афанасий ощутил, что сейчас старец скажет ему самое важное:

– Тебе надлежит, радость моя, много пострадать от людей. Они будут тебя предавать и мучить. Но ты уже решил идти за Христом. Но те, кто будет мучить тебя, пострадают ещё больше. Наш народ будет мучеником. Потеряв веру, он заблудится. Не бойся, Господь тебя не оставит. Он тебя любит. Дерзай, чадо. Приходи ко мне, когда позовёт тебя душа.

– Я хотел бы уйти сюда, в монастырь.

– Нет, тебе нужно служить Богу среди людей, – сказал старец, глядя в пространство перед собою.

– Среди них я чувствую себя чужим.

– Да, ты не от мира сего, но ты будешь среди них, ты будешь проповедовать любовь. Хочешь ли ты это, мой маленький друг?

– Да, очень хочу, – радостно воскликнул Афанасий.

– Отныне для тебя начинается новая жизнь. Записана первая страница в её книге. И если ты не собьёшься, то с радостью будешь читать и последнюю страницу. Благословляю тебя на служение любви. Впереди тебя ждёт долгая жизнь.

2009 год. Презентация книги В. Амиргуловой «Орловские богатыри».
В. Амиргулова, Л. Золотарёв, А. Фролов.